

Глава первая

Подобно многим своим сверстникам, Николай Михайлович Елтышев большую часть жизни считал, что нужно вести себя по-человечески, исполнять свои обязанности, и за это постепенно будешь вознаграждаться. Повышением в звании, квартирой, увеличением зарплаты, из которой, подкапливая, можно собрать сперва на холодильник, потом на стенку, хрустальный сервиз, а в конце концов и на машину. Когда-то очень нравились Николаю Михайловичу «Жигули» шестой модели. Мечтой были.

Что-то, конечно, сбывалось. Дали двухкомнатную квартиру; правда, получая ключи, ни сам Николай Михайлович, ни жена не придали значения тому, что квартира эта ведомственная, — просто радовались. Квартира была просторной, казалась огромной, и двое сыновей, девятилетний Артем и шестилетний Денис, даже носясь по ней ураганом, разбрасывая игрушки, не мешали, не путались под ногами как раньше. Каждому было в квартире место... В звании худо-бедно, но повышали — от сержанта до старшего лейтенанта Николай Михайлович продвигался почти в соответствии с выслугой лет. И зарплата тоже позволяла подкапливать, и в семьдесят седьмом купили машину, пусть не шестую модель, а третью, с рук, с пробегом сорок тысяч километров, но все же... Плохо, что место под гараж долго не

давали — стояла машина во дворе, постепенно поедаемая по низу кузова ржавчиной. Зато потом удалось купить гараж готовый — заливной, с печкой, подвалом, смотровой ямой. Отличный гараж. А когда «жигули» износились — продали на запчасти, добавили денег, взяли «Москвич» двадцать один сорок один.

Да, до поры до времени жизнь текла пусть непросто, но в целом правильно, как должно. Вместо черно-белого «Рекорда» появился сначала цветной «Рубин», а потом «Самсунг»; вместо громоздкого фанерного серванта — высокая изящная вместительная стенка. Старший сын, Артем, закончил школу, и не восьмилетку, как когда-то Николай Михайлович (вынужден был идти работать — матери четверых детей было не прокормить), готовился поступать в пединститут, на истфак; младший учился в школе неплохо, боксом занимался. Жена работала в центральной библиотеке города...

Тот момент, когда, как в сказке про богатыря, нужно было выбрать путь, по которому двинуться дальше, Елтышев проспал. Точнее, не момент это был, а несколько тягостных и в то же время суматошных, переломных, как оказалось, лет. Да и не спал Николай Михайлович, а наблюдал, взвешивал, примеривался, не веря, что ход жизни ломается всерьез и появляется шанс вырваться вперед многих.

Позже, больно сжимая кулаки, Николай Михайлович вспоминал, как ему предлагали увольняться со службы, «заняться делом», «вступить в долю», как появлялась то одна, то другая возможность действительно изменить судьбу. Но он не решался. Может, и правильно поступил — нескольких человек из тех, кто предлагал, быстро не стало, убили, еще нескольких посадили, но некоторые жили теперь так, что не подойти — они на другом уровне. Хм, как в сложной компьютерной игре, на выигрыш в которой можно потратить годы... Да, не согласившись пойти с ними, испытать те опасности, что ждали на пути к настоящему, теперь приближаться

к победителям Елтышев не имел права. Нужно было или смириться со своей участью, или попробовать их догнать, а значит, стать их конкурентом, соперником. Правда, исчезли уже те возможности, какие были в начале девяностых, когда с нуля — горлом, кулаками, за бутылку коньяка — можно было завести свое дело. Открыть бизнес. Да и возраст... Пятьдесят все-таки.

Постепенно росло, обострялось раздражение. Раздражала съезжившаяся от вещей и выросших сыновей, располневшей жены квартира; раздражало гудение газовой колонки, которой когда-то, после житья в бараке, так радовались; раздражала служба, однообразная, отупляющая, несмотря на все усилия, не приносящая нормальных денег; раздражали дорогие машины на улицах, нарядные витрины, пестрые людские ручки на тротуарах. И самое обыденное раздражало: каждый вечер, раздевшись, ложиться в кровать, зная, что уснет нескоро; еда раздражала, вся какая-то безвкусная, пресная, но которую необходимо запихивать в рот, разжевывать попорченными зубами, глотать; шнурки раздражали, выщербленная бетонная лестница в подъезде... «Вот так всё это и будет, — долбилось в мозгу чугунной гирькой, — так и будет». И иногда вдруг прокалывала боязливая, почти старческая мысль: «Лишь бы не хуже».

Но многие завидовали Николаю Михайловичу. После длинной очереди, нешуточной борьбы ему удалось получить должность, считавшуюся блатной: дежурный по вытрезвителю. И поначалу Елтышев радовался каждому дежурству — дежурил сутки через трое, — ожидал чего-то чудесного... Да нет, не «чего-то», а вполне реального пьяного вусмерть богатея с набитыми деньгами карманами.

Случаи такие, если верить вытрезвительским преданиям, бывали, и тогда дежурные сами в мгновение ока становились богатыми. А один за пару месяцев собрал таким образом себе на «тойоту»...

Елтышеву не то чтобы совершенно не везло, но приработок был неизменно мелким, оскорбительно убогим, и дежурство в основном уходило на пустую грязную возню с подзаборными алкашами. И в конце концов он потерял веру в счастливый случай, на дежурство шел через силу, с чувством обиды. Обиды, хоть и старался в этом не признаваться, на самого себя.

Та, как оказалось, последняя смена началась обыкновенно — к пяти часам вечера двадцать четвертого апреля две тысячи второго года выспавшийся, плотно пообедавший, но какой-то застарело усталый Елтышев вошел в дежурное помещение.

Вырезвитель размещался в самом центре города, но со стороны был неприметен — так, одноэтажное серое зданьице с маленькими пыльными окнами. Но знающие, что находится здесь, старались обходить его подале, тем более если были подшофе. И только милиционеры, врачи и родственники попавшихся шли сюда прямой дорогой, открывали толстую деревянную дверь и на время исчезали в темном, душном, жутковатом мирке...

В дежурке по разные стороны стола сидели старлей Пахомин, у которого Елтышеву предстояло принять точную вахту, и парень лет двадцати пяти. Парень съевшийся, словно замерзший, лицо кислое.

— Ты пойми, — негромко, но убедительно, веско говорил Пахомин, — что выйти отсюда ты можешь, только уплатив штраф. Э? Двести шестьдесят четыре рубля. Сто двадцать у тебя имеется при себе. Нужно еще... Э-э... Еще сто сорок четыре. Округляем — сто пятьдесят. Э?

Николая Михайловича раздражало это дебильноватое пахоминское «э», но и сам он — замечал за собой — в разговоре с такого рода клиентами то и дело употреблял нечто подобное. Чтобы понятней было.

— Ну я же говорил сколько раз, — замямлил парень, — у меня нету...

— Найди, — перебил Пахомин. — Займи. Есть родственники, знакомые. Мы тебя свозить даже можем. Э? Мы возим.

Парень подвигал плечами. Молчал.

— С-слушай, — Пахомин начал терять терпение, — у тебя ни паспорта нет, никаких документов. В курсе — э? — я тебя могу на трое суток оформить. До выяснения личности. Как?

Парень молчал.

Николай Михайлович приподнял руку, взглянул на часы. До начала дежурства оставалось двадцать минут. А еще надо дела принять.

— Слушай, Виталий, — обратился он к Пахомину нарочито небрежно, даже как-то с веселинкой, — а вези его в отдел и оформляй на пятнашку. Чего нянчиться? Акт составите, что оказывал сопротивление, тут всю ночь колобродил...

Пахомин подхватил:

— Да, пускай пометет улицы, а лучше — сортиры по-пидорит. Я позабочусь. Э? — Захлопнул папку с квитанциями. — Давай поднимайся, — велел парню, — поехали в ГОВД. Там ночь перекантуешься, а завтра — суд.

— Ну, это, — парень испугался, — я же...

— Чего еще? — Старлей распаял себя. — Давай-давай.

— У меня тетка... У нее можно попробовать. Но она убьет.

— Кого это убьет? — показно насторожился Елтышев.

— Ну, меня. Что я здесь...

— И правильно. Пить надо меньше. А оплату услуг медвытрезвителя еще никто не отменял. Э? — Пахомин обернулся к курящему возле обезьянника сержанту. — Серег, свози уважаемого. Далёко тетка-то живет?

— Да нет, не очень. За автовокзалом там...

— И ладушки. Найдешь сто пятьдесят рублей — возвращаем вещи, и гуляй-отдыхай.

Сержант вывел парня. На улице завелся «уазик».

Пахомин изможденно отвалился на спинку стула, прикрыл глаза.

— О-ох-х...

— Как оно? — зная ответ, из приличия спросил Елтышев.

— Да хреново. Одна нищета опять... Спать хочу... Еще этого мутанта ждать.

Елтышев покивал.

— Давай дежурство пока приму.

— Дава-ай.

Спустились в подвал, где в основном и размещался вытрезвитель, заглянули в камеры-палаты, в туалет, раздевалку. Всё было в порядке. Поднялись обратно в дежурное помещение. Елтышев расписался в журнале.

— Что, накатим трофейной? — слегка повеселев, предложил Пахомин; выдвинул ящик стола. — «Московская» есть, «Колесо фортуны», «Земская». Э, какую?

— Без разницы... «Колесо».

Старлей достал бутылку, покрутил оценивающе.

— Да вроде нормал. И мужик приличный, с портфелем. Какой-то юбилей, говорит, отмечали, переборщил.

— Наливай.

Алкоголем Николай Михайлович не увлекался, в запои не уходил, но выпить граммов двести всегда был не против. Водка действовала на него благотворно — не одуряла, а словно что-то смывала внутри, какой-то ядовитый налет.

У Пахомина оказалась и закуска — запечатанная нарезка лосося, круг копченой колбасы, беляши в целлофановом пакетики, шоколад... Всё это имели при себе попавшие в вытрезвитель за минувшие сутки.

— Ну, за удачу.

— М-да, удача не помешает.

Чокнулись пластиковыми стаканчиками...

Без нескольких минут пять появились двое сержантов и врачаха, полная, угрюмая тетка с мужским ли-

цом — те, с кем предстояло Елтышеву отработать предстоящие сутки.

В начале шестого вернулся с деньгами паренек, получил вещи, квитанцию и был отпущен.

— Ну, всё, — выдохнул Пахомин, сложив бутылки и еду в сумку. — Счастливо!

Николай Михайлович уселся за стол, огляделся, привыкая к помещению, стулу, обстановке.

Дежурка невелика, сумрачна, и несколько ламп не могут наполнить ее светом, жизнью... Стены шершавые, окрашенные в бледно-зеленый цвет; два окна, зарешеченные, заросшие пылью, кажутся черными провалами. Вдоль стен — скамейки без спинок, слева от входа — узкий обезьянник для буйных задержанных; стол стоит напротив входа, и почти за спиной Николая Михайловича — лестница. Скоро по ней поволокут пьяных, и снизу будут лететь крики, рычание блюющих и матерящихся алкашей. «Ох, как всё надоело», — поморщился Елтышев.

Рядом с ним устроилась врачиха в белом, но застиранном до серости халате, открыла термос и чашку, налила кофе... Она никогда не пользовалась казенной посудой, электрочайником — всё приносила из дому. «Брезгуй, брезгуй». И Николаю Михайловичу представилось, что она вдруг заболевает какой-нибудь кожной болезнью. Сыпь, раздражение, гнойники...

Он выдвинул ящик, где лежала оставленная Пахоминым ополовиненная бутылка «Колеса фортуны», стаканчики, шоколадка. Позвал сержантов:

— Что, орлы, перед работой по капле? За хорошую клиентуру...

Часов до десяти вечера было спокойно и скучно. Дзэпэсники и пэпэсники, конечно, доставляли задержанных, но по одному, изредка. Все пьяные были немолодые, как назло, безденежные. Падали на стул перед столом, за которым сидели Николай Михайлович

и врачаха, тупо мычали, вяло доказывали, что почти трезвы.

Сержанты обшаривали их карманы, снимали с запястья, у кого были, часы. Елтышев производил опись вещей, составлял акт, врачаха давала медицинское заключение.

Потом сержанты вели их вниз. Заставляли раздеться, выдавали одеяла, запирали в камерах-палатах. Возвращались в дежурку, курили, зевали.

А после десяти стало повеселей. То и дело к дверям подъезжали «уазики» и «жигули», в дежурку вводили или втаскивали клиентов. Двое-трое были в полном отрубе и при деньгах. Хотя и небольших, но все же. Радуюсь, что их не обобрали при задержании, Елтышев делал опись. Вместо «3320 рублей» у одного записал «1320 рублей», у другого вместо «2598 рублей» — «598 рублей». Мысленно получившиеся четыре тысячи поделил среди своих: по тысяче пятьсот им с врачихой, по пятьсот — сержантам.

Около двенадцати привезли сразу шестерых. Молодые парни, ершистые; пьяные, конечно, но больше — возмущенные задержанием. Одному даже руку пришлось заломить.

— У «Летучей мыши» взяли, — объяснил дэпээсник. — Там концерт сегодня, бухих будет до жопы.

— Вези-вези, — покивал Николай Михайлович. — Всем место найдем...

С парнями пришлось повозиться. Признавать свое алкогольное опьянение они отказывались, то предлагали договориться, то начинали угрожать и хамить; тот, кому заламывали руку, утверждал, что он журналист.

— Ну-ка, журналист, — не выдержала обычно молчаливая врачаха, — присядь десять раз.

— Что?! Я вам кролик подопытный, что ли?

— Тогда оформляем, — врачаха взяла ручку. — Фамилия-имя-отчество?

— Да с какой стати?!

— С такой. У тебя налицо вторая степень. Давай-давай документы.

Назвавшийся журналистом блядькнул и стал приседать. Его повело, завалился набок. Врачиха усмехнулась:

— Ну вот, а говоришь — нормальный.

— Да я устал просто!..

С горем пополам удалось обработать парней и спустить вниз. Денег при них оказалось в общей сложности тысяч пять, но забирать часть Елтышев опасался — все-таки не настолько пьяные. Еще начнут ходить куда-нибудь, заявки катать.

— Ох, жарко-то как, — выдохнула врачиха и достала из пакета бутылку с водой. — Лето совсем, а они всё отпление...

— На следующей неделе опять похолодание обещают, — без охоты ответил Николай Михайлович.

С этой врачихой они дежурили довольно часто, но, бывало, за сутки не обменивались и десятком фраз. Сидели за одним столом, а как бы и порознь, каждый выполняя свою работу. В конце смены делили деньги, расходились... Когда Елтышев натыкался взглядом на огромное ее лицо, на толстые руки, его окатывало отвращение, и он с жалостью представлял мужа врачихи. На безымянном пальце врачихи, почти заросшее кожей, желтело обручальное кольцо... Как он с ней такой, бедолага...

Но тут же вспоминалась его собственная жена — тоже полная, тоже с окаменело-угрюмым выражением на лице. «А ведь такой девчонкой была...» Когда была?.. Лет тридцать назад. А потом потекло, потекло, и нечего вспомнить, нечему удивляться... И не поймешь, когда вместо девчонки, от которой не отлипал, рядом оказалось привычное, необходимое, но неинтересное существо. Жена.

Подвозили новых, новых. Грязных и чистеньких, невменяемых и на вид почти трезвых, агрессивных и ти-